

fluence to ancient lifestyle, and the note about the religion in original source or history work.

Key words: fetishism, animism, smagi, totem, stone, fire, tree, deer, wolf.

Библиографический список

- Гомбосүрэн Ц. Философия. Улан-Батор, 2011.
Лувсанданзан. Алтан тобчи. Улан-Батор. Алтан товч. Улан-Батор, 1990.
Монгол ардын улгэр. Улан-Батор, 1982.
Монголын этнографийн асуудал. Улан-Батор, 1977.
Монгольские народные сказки / под ред. Х. Сампилдэндэв. Улан-Батор, 1982.
Нарантуяа Р. Монголчуудын ан авлах ёс уламжлал. Улан-Батор, 1996.
Нарантуяа Р. Традиционная охота у монголов и ее обряды. Улан-Батор, 1996.
Проблемы монгольской этнографии. Улан-Батор, 1977.
Рашид- Ад- Дин. Сборник летописей. Улан-Батор, 1993.
Рашид- Ад- Дин. Судрын чуулган. Улан-Батор, 1993.
Цэрэнсодном Д. Монголын нууц товчооны орчуулга тайлбар. Ундэстний хэвлэлийн хороо. Бээжин, 1993.
Цэрэнсодном Д. Перевод и пояснения к Сокровенному сказанию монголов / Национальный комитет печати. Пекин, 1993.
Энгельс Ф. Сборник. 3-е изд. Улан-Батор, 1976.
Энгельс Ф. Түүвэр зохиол. 3-р боть. Улан-Батор, 1971.

А.А. Нуржанов, С.Е. Муратова

Институт археологии им. А.Х. Маргулана

Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы

РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СИСТЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА (VI–XIII вв.)

На протяжении многих столетий территория Казахстана являлась местом пересечения трех мировых религий, буддизма, христианства и ислама. Их длительное сосуществование и взаимодействие в едином географическом пространстве наложило своеобразный отпечаток на развитие культуры народов, населявших Казахстан. Это важная историческая особенность духовной жизни была обусловлена центральным положением региона в геополитическом пространстве внутри континентальной Евразии и глубокими традициями номадизма в образе жизни многих поколений его обитателей. Каждая из них имела свою прочную базу, организацию и свои культовые сооружения, которые в определенном промежутке времени мирно сосуществовали. Путем

диалога и созидательного сотрудничества они взаимообогащались и внесли достойный вклад в развитии духовной культуры в раннесредневековой цивилизации.

Ключевые слова: культура, средневековье, буддизм, ислам, христианство, религия, духовность, номадизм, эпоха, цивилизация, торговля, нумизматика, керамика, этнография, миграция.

Казахстан является контактной территорией, где начиная с древних эпох наблюдались инфильтрация и агрессия, миграция и эмиграция этносов, интеграция и нивелировка культур, расовые и лингвистические палимпсесты. Существовали интенсивные военно-политические, экономические, этнокультурные связи между Европой, Центральной Азией, Индией, Передней Азией, Кавказом. Происходило взаимообогащение культур, возникали памятники, становящиеся ценностями мировой цивилизации.

Наряду с собственными верованиями в VI–IX вв. среди тюркоязычного населения Центральной Азии и Казахстана получили распространение религиозные системы, созданные иными цивилизациями: буддизм, христианство, ислам.

Буддизм наиболее рано из всех великих религий стал пользоваться популярностью в аристократической среде первого Тюркского каганата. В буддизме правители каганата видели ту универсальную форму религии, которая могла помочь созданию идеологической общности в очень разрядной по своему составу державе.

Однако широкое расселение буддистов отличает преимущественно города Шуйской долины. Это религия не занимала в нем монопольного положения, основная масса тюрков даже не были знакомы с законом Будды, не было ни монастырей, ни монахов, сообщает Хой Гао в 726 г. (Литвинский Б.А., 1996, с. 190–193), очевидно, имея в виду степь. В то же время некоторые правители и знать, судя по его словам, были ревностными буддистами, которые учреждали монастырь, приносили им дары, покровительствовали буддийской сангхе. А фон Габэн связывает распространение буддизма среди тюрков с процессом перехода их к оседлости и включением в среду местного зороастрийско-буддийского населения (Литвинский Б.А., 1989, с. 169–171). Б.А. Литвинский считает, что большое значение имели и политические обстоятельства, связанные с необходимостью наладить управление населением, исповедующим буддизм. Если на ранних этапах существования тюркских каганатов буддистами были в основном согдийцы, тохаристанцы, хотаносаки, потомки парфян, то с VIII в. в городскую среду активно внедряются огузы, уйгуры, карлуки, чигилы. (Восточный Туркестан..., 1992, с. 687).

Для тюрков в буддизме близким оказалось понимание трех миров: Небесного (верхнего), Среднего (земного) и Нижнего (подземного), что соответствовало представлениям из древних верований Тенгра, Жер Су, Умай и шаманизма (Орынбеков М.С., 2005, с. 133). Так, «буддизм получил распространение в тюркской среде еще в позднегуннских государствах Восточного Туркестана (IV–V вв.), с которыми генетически и исторически связано племя ашина (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 132). Таспара-каган организовал буддийскую общину при дворе. В этот период были переведены на тюркский язык и записаны для Таспара некоторые сутры, были воздвигнуты буддийские храмы и монастыри, где сам Таспара принимал участие в обрядах (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 133).

Как известно, в Казахстан пришел северный вариант буддизма махаяна. Буддийские находки из храмов и монастырей Жетысу также свидетельствуют о большой популярности культа бодхисатв, и можно полагать распространение здесь махаянского направления буддизма; самым чтимым был бодхисатва Авалокитешвара, один из пяти главных бодхисатв Махаяны. В тюрко-буддийских текстах бодхисатва Авалокитешвара упоминается как покровитель торговцев и путешественников.

Возможно, отсюда пошло мнение, что основными носителями этой идеологии были купцы и ремесленники, идущие с караванами по Великому шелковому пути. Действительно, торговые пути были и остаются жизненными основными артериями, которые отражали направление и интенсивность разносторонних связей.

Распространение среди древних тюрков идеи буддизма осуществлялось миссионерами, рассказывавшими о жизни, делах и страданиях будд. Считалось, что мир чувств должны посетить тысяча будд, а их было пока лишь четверо: Краккачунда, Канакамуни, Кашьяпа и Шакьямуни.

Древним тюркам были известны постулированные буддизмом четыре рождения: появление путем матери; из яйца; рождение в воде (сырости); появление путем метаморфоз – и шесть форм перерождения (обитатели ада, голодные духи, животные, люди просветленные и небожители).

Согласно данным исследований, буддизм в Китай пришел из Индии через Среднюю Азию, где сохранились многочисленные следы этой веры. В ее распространении значительную роль сыграли согдийцы, о чем свидетельствуют подписи на тюркском языке, обнаруженные в Восточном Туркестане.

На это указывают немногочисленные, но высокохудожественные изделия из керамики, бронзы и камня, выполненные в кушанских традициях. В VII–VIII вв. этот регион был важным центром буддизма на одном из главных путей его распространения из Индии в Центральную Азию и на Дальний Восток (Ставиский Б.Я., 1992, с. 68).

Б.Я. Ставиский (1992, с. 68) также считал, что памятники буддизма в Жетысу и Фергане были более всего связаны с религиозной деятельностью восточно-туркестанских или китайских миссионеров.

Сведения о строительстве буддийского монастыря в Суябе свидетельствуют о его сооружении в 692 г. по приказу Ван Чжен Цзяна, военного наместника Бешбалыка, после того как им был захвачен Суяб.

Проникновение буддизма в Жетысу, инициированное согдийцами, привело к появлению в буддийских общинах представителей местного тюркоязычного населения, о чем свидетельствуют археологические раскопки в Суябе (Ак-Бешим), где были обнаружены два буддийских храма. Один из них представляет собой квадратное строение (38×38 м), вход в него был с северной стороны, внутри строения находилась крестообразная целла (10×10 м) с двумя длинными коридорами, выходящими в небольшой дворик. Вдоль коридора в храме располагались скульптуры, от них остались лишь следы, стены храма были покрыты узорными росписями и изображениями Будды, Бодхисатвы и Докшита (Кызласов Р.Л., 1959, с. 192).

Так, в Китайской энциклопедии (Tongdian), написанной в 778 г., сообщается о монастыре «Да Юней» («Большое яблоко»), который в 750 г. посетил путешественник Ду Хуан по пути из Персии. Имеются сведения о строительстве большого числа буддийских храмов в 692–705 гг. в Китае и западных землях, где находились китайские гарнизоны. Они возводились по приказу императрицы Ву Хоу (Ву Цзян), которая провела реформу буддизма на базе сутры «Большое яблоко» (Ставиский Б.Я., 1965, с. 28–29). Поэтому можно заключить, что буддийские монастыри и храмы Жетысу были построены именно в промежутке 692–705 гг.

Жетысу (Семиречья) было вторым после Мавереннахра центром распространения буддизма в Западном Туркестане. Справедливы слова В.В. Бартольда о «культурном единстве страны между Амударьей и Чу». Он писал: «Китайские историки называют жителей Трансоксонии буддистами» (Бартольд В.В., 1964, с. 268–269). По свидетельству Аль-Недима, буддисты Трансоксонии были предшественниками манихеев. У Фихриста сказано: «Этой веры (буддийской) придерживались большинство жителей Мавереннахра до ислама и в древности» (Бартольд В.В., 1964, с. 268–269).

Таким образом, буддизм занимал значительное место в духовной жизни древних тюрок, помогал им духовному объединению.

История распространения христианских общин на Востоке более понятна в контексте становления христианства и его учений, а также его взаимоотношений, зачастую очень сложных, с доминирующими в Иране, Средней Азии и Китае религиозными местными системами и политической ситуацией. Возникновение христианства было подобно первому освежающему порыву приближающейся бури, разразившейся первоначально в раздираемой внутри борьбой иудейской диаспоре. Иоанн Креститель и Иисус Христос являлись своего рода посредниками между учением, доступным только избранным, и проповедями, призывы которых были адресованы широким массам, из которых затем выросло христианство (Свеницкая И.С., 1987, с. 87). Поистине родиной христианства, где это учение получило оформление и социальные корни, можно назвать Сирию и Малую Азию. Само слово «христианство», согласно традиции, родилось в Антиохии от греческого слова «Христос»-«Мессия». Показателен в этом отношении и тот факт, что одно из самых ранних произведений Нового Завета – Апокалипсис, был адресован христианским общинам семи городов Малой Азии (Богомолов Г.И., 1994, с. 71).

Сведения о ранних христианских памятниках Семиречья, собранные в результате научного и краеведческого археологического изучения средневековых городищ, стали появляться в научной и периодической литературе с конца XIX в. В настоящее время в распоряжении ученых имеется несколько видов несторианских памятников: надгробные кайраки с крестами и сирийскими эпитафиями, несколько нательных крестов из бронзы, камня и нефрита, керамические сосуды с надписями и остатки архитектурных сооружений.

К выдающимся произведениям «религиозного искусства и религиозной символики» среднеазиатских христиан, тюрок по этнической принадлежности (Джумагулов Ч., 1971, с. 159), относятся кайраки – надгробные камни с несторианской символикой и тюрко-сирийскими надписями. Кайрак – это обкатанная горной рекой галька, посередине которой выбивали крест несторианской формы, иногда фигурный, с петлями по углам, и сопровождался он надписями-эпитафиями.

Наиболее ранним памятником на территории Семиречья является небольшая церковь VII–VIII вв., открытая раскопками Л.Р. Кызласова в 1953–1954 гг. на городище Ак-Бешим, которое отождествляется со столицей тюркских каганов Суябом.

Церковь была построена за пределами центральной части города квадратного шахристана, в 105 м от его восточной стены на укреп-

ленной территории. Общие размеры постройки в плане 36×15 м. Стены, толщиной 1,5 м, сложены из пахсы и сырцового кирпича. Алтарное помещение размером 5,3×4,8 м с тремя нишами и входом на осях оштукатурено ганчем, на котором сохранились остатки росписи, выполненной яркими красками. Вход находился в западной стене и открывался во двор, вдоль длинных стен которого могли быть навесы. В боковом помещении, обособленном от двора и алтаря, в торцевой стене была устроена маленькая нишка. Здесь в завале найден бронзовый нательный крестик (Горячева В.П., 1994, с. 87).

Входы во двор церкви не были обнаружены, скорее всего, они находятся в продольных стенах, как в средневековых христианских памятниках Ирана, стран Закавказья и Сирии, а также в здании Хароба-Кошук в Мерве. Эта постройка V–VI вв. является ближайшей архитектурной аналогией ак-бешимской церкви, которая сопоставляется с длинными церквями Эфеса и Ктесифона. Таким образом, наблюдается преемственность в церковном зодчестве Средней Азии и Семиречья с храмами Ближнего Востока, что можно связать с сирийско-византийской традицией.

Христианские погребения более позднего времени известны по результатам обследования некрополя древнего Тараза – захоронения в хумах и в маленьких склепах из обожженного кирпича (Ремпель Л.И., 1957, с. 110). Они датируются IX–X вв. При раскопках древних городищ Тараза и Сарыга в слоях VII–VIII вв. были найдены обломки сосудов с надписями христианского содержания на сирийском и согдийском языках (Борисов А.Я., 1948, с. 107).

О христианстве в Жетысу в IX–X вв. свидетельствуют согдийские надписи на глиняных хумах для хранения вина. Надписи содержали христианские термины, такие как «учитель», «наставник». О христианстве свидетельствуют находки нательных крестов из бронзы, серебра и нефрита, сделанные на городищах Жетысу.

Сирийскую надпись на сосуде из Тараза, обнаруженную при раскопках в 1938 г., А.Я. Борисов считал принадлежавшей христианам-яковитам, основываясь на манере письма, характерной для западной, яковитской школы. Она содержит два христианских имени: Петр и Гавриил. Вопрос о принадлежности надписи, как и о проникновении яковитов в Среднюю Азию в столь ранний период, пока остается открытым (Борисов А.Я., 1948, с. 108).

В XII в. была учреждена митрополия Кашгаре и Навакета. Сохранились некоторые сведения о том, что в XI в. христиане обратили в свою веру монгольское племя керейтов. Рашид-ад-дин в «Истории

монголов» писал: «Исповедание Иисуса – мир ему! – проникло к ним (кереитам), и они приняли его» (Записки Восточного отделения..., 1852, с. 104). Много христиан было среди монголов и найманов. И хотя Чингисхан в 1203 г. разорил княжество кереитов, именно его в странах Западной Европы признавали пресвитером Иоанном, чье легендарное царство хронисты XII в. помещали на Востоке (Байпаков К.М., 1994, с. 97).

Как бы то ни было, несториане играли в империи Чингисхана значительную роль. Племянница разгромленного Чингисханом кереитского Ван-хана несторианка Соргатханибеки была женою младшего сына Чингисхана Тулия, матерью двух великих ханов Мунке и Хубилая и завоевателя Ирана Хулагу (После Марко Поло, 1986, с. 68).

О христианах Илийской долины (Юго-Восточный Казахстан), которые имели свою церковь в Каялыке (Кайлаке), а также свое селение, сообщает Вильгельм Рубрук. В Каялыке, по информации Рубрука, имелось три храма, принадлежавших несторианам. Но в них не было изображений Христа, по словам опрошенного священника, это было «не в обычае». Однако за сундуком, служившим алтарем, Рубрук видел «изображение, имевшее крылья, как у святого Михаила, и другие изображения, вроде епископов, державших пальцы как бы для благословения» (Путешествие в Восточные страны..., 1993, с. 111). За Каялыком, в 3 лье Рубрук посетил несторианское селение с церковью, куда он зашел и пропел: «Радуйся, царица» (Путешествие в Восточные страны..., 1993, с. 112).

По мнению исследователей, отсутствие религиозной живописи в несторианских церквях Центральной Азии было связано с соответствующими канонами, сложившимися в результате реформ XII–XIII вв. (Никитин А.Б., 1984, с. 70).

Таким образом, археологические находки вкупе с данными средневековых источников рисуют картину распространения христианства в Иране, Средней Азии, Южном Казахстане и Семиречье, Восточном Туркестане вплоть до Китая начиная с IV и до XIV в. Середина XIII – XIV в. характеризуется усилением влияния католической церкви. Миссионеры Францисканского ордена, а также купцы итальянских торговых республик проникают через Западный Казахстан в Среднюю Азию и Китай. Нередко на Востоке итальянцы, благодаря своему умению, знаниям и богатству, наряду с мусульманами, достигают успехов в торговле и религиозных делах.

Изучение различных аспектов истории распространения ислама у тюркоязычных народов приобретает все большее теоретическое и практическое значение в связи с так называемым *мусульманским*

ренессансом, когда в нашей стране идет бурное возрождение мусульманской религии. Ислам играет все более заметную роль в духовной жизни современного Казахстана.

С проникновением ислама и мусульман на территорию Тюркских каганатов в первые же годы ее существования начинается длительный и тяжелый процесс исламизации Великой степи, который шел рука об руку с развитием торговли и городской культуры. Многочисленные торговые поездки, странствия ученых в «поисках знаний» расширяли кругозор людей и способствовали переносу достижений ремесла науки и искусства. Средством общения, обеспечившим сближение, служил арабский язык, но уже как фактор культуры науки и религии (Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973, с. 187–190).

В начале своего распространения ислам пришел в среду оседлых тюрков, в города и крупные поселения. Жители городов оказались более восприимчивы к новой вере, нежели постоянно кочующие степняки, ислам в Казахстане поначалу воспринимался как городская религия, конфессия оседлых людей. Ибн Хордадбех в своем труде «Перечень тюркских городов» писал, «что в городе Фарабе находятся (одновременно) отряды мусульман и отряды тюрков-карлуков. Всего городов тюрков – 16» (Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939, с. 144).

С начала VIII в. на территории Казахстана интенсивно шел процесс распространения и утверждения ислама. Арабские отряды неоднократно вторгались в пределы юга Казахстана и Жетысу. В 751 г. арабы дошли до Таласа, на берегах которого разбили китайскую армию (Большаков О.Г., 1980, с. 132–136). Однако ни Сырдарья, ни Жетысу не были завоеваны и не вошли в состав Халифата. Интенсивная исламизация региона началась, видимо, после утверждения в Средней Азии династии Саманидов и в связи с их завоевательной политикой на востоке.

Источники, повествующие о событиях конца VIII – IX в., свидетельствуют об исламизации населения Южного Казахстана и Жетысу. В 840 г. Нух ибн Асад подчинил себе Испиджаб (Волин С.Л., 1960, с. 83). В 859 г. его брат Ахмед ибн Асад совершил поход на Шавгар, где было произведено избиение нескольких тысяч человек (Бартольд В.В., 1963, с. 268). В 893 г. Исмаил ибн Ахмед взял Тараз и обратил главную церковь этого города в мечеть (Бартольд В.В., 1963, с. 315).

Археолог Д.Г. Зильпер (1973, с. 29), изучавший городище Мингурюк (Мадина Чач – согласно арабским источникам), его разгром и пожар связывает с арабским завоеванием: «Гибель городища, сов-

падающая по времени с серединой VIII в., вероятно, связана с антиарабской борьбой, с опустошениями и пожарами, сопровождавшими все карательные экспедиции арабов».

Раскопки на одном из крупнейших городищ Туркестанского района – Сидаке – показали, что жизнь на поселении прекратилась после сильного пожара в VIII в., который, по мнению исследователей памятника, связан с арабским завоеванием региона (Смагулов Е.А., 1994, с. 178). На городище Культобе также зафиксирован длительный период запустения, который приходится на VIII в. (Смагулов Е., 2004, с. 271).

Данные родословных и археологии свидетельствуют, что ранняя исламизация Южного Казахстана началась в VIII в., с вторжения арабских войск, и сопровождалась упорным сопротивлением местного населения, в первую очередь христиан-тарса. Для закрепления на новых территориях мусульмане строили крепости и мечети, каналы и длинные стены вокруг городов. О полном утверждении ислама на территории Южного Казахстана говорит отсутствие каменных изваяний кипчакского облика (Кожа М., 2009, с. 101).

В.В. Бартольд очертил в своих трудах хронологию вовлечения тюрков в орбиту новой религии. Согласно ей знакомство тюрков с исламом начинается в VII–VIII вв. в эпоху Саманидов, а при новых правителях Караханидов произошло по-настоящему успешное обращение тюрков в ислам (Байпаков К.М., 2012, с. 11). В середине X в. в Таразе ислам принял родоначальник династии караханидов Сатук Каракан (Сатук Бограхан Ибн ал Керим), а его сын Бограхан Харун б Муса в 960 г. объявил ислам государственной религией (Бартольд В.В., 1963, с. 316).

Вслед за Испиджабом (Сайрам) ислам распространяется по Жетысу, который стал вторым центром новой веры в средневековом Казахстане. Аль-Макдиси писал: «Джикиль – маленький город, соборная мечеть была на рынке», в Барсхане «соборная мечеть среди рынков», в Атлахе «соборная мечеть в Медине», в Мирки «соборная мечеть была в древности церковью» (Волин С.Л., 1966, с. 83).

В отличие от христианства, мечеть у мусульман не считается «домом Господа», так как Аллах является предельно абстрактным божеством, лишенным каких-либо антропоморфных черт. Это просто место для совершения совместной молитвы. Строго говоря, для совершения молитвы мусульманину и не нужно какое-либо помещение. Достаточно одной стены, обращенной на Мекку, или даже просто соблюдения направления на Каабу (Кибла). Пророк говорил: «Где вы молитесь, там и масджид (мечеть)». Тем не менее уже в первые годы

ислама появляются места для проповеди и совместной молитвы. Первой такой мечетью был дом Пророка Мухаммеда в Медине. Это было простое прямоугольное (53×50 м) отгороженное пространство, включавшее комнаты для Пророка, его жен, затененное место в южной стороне двора, которое использовалось для проповедей и было обращено в направлении Мекки (Hillenbrand R., 1994, p. 39–42).

Потребовалось около двух столетий со времени первых завоеваний Ферганы в начале VIII в., прежде чем ислам закрепился в Жетысу (Бартольд В.В., 1965, с. 355). В 60-х гг. XI в. Махмуд ал Кашгари, как правоверный мусульманин, сокрушался о «неверных» тюрках, которые словом «Тенгри» называли «большие деревья» (Кляшторный С.Г., 1987, с. 45–53). Пережитки доисламских культов у народов Средней Азии и Казахстана еще долгое время отмечают мусульманские информаторы, вплоть до этнографической современности. Особенно это касается повседневной обрядовой жизни тюркоязычных мусульман.

Со времени принятия исламской религии тюрками они уже не одно столетие были на практике знакомы с другими мировыми религиями, тюркам-мусульманам пришлось бороться не столько с местными культами, сколько с манихейством и христианством. А. Мец (1996, с. 544) в книге, посвященной истории культуры халифата III–V вв. хиджры (IX–XI вв. н.э.) – периода «мусульманского ренессанса», писал, что именно в это время «ощущается тяга к новым духовным потребностям», а движение, которое преобразило ислам, являлось в сущности не чем иным, как вторжением целого потока христианских идей в религию Мухаммеда.

Суфийская доктрина в IX–X вв. превратилась в целую сложную систему, возникает и своеобразная общественная организация суфиев, устанавливается обычай избирать себе духовного наставника (шейха или пира). Человек, вступивший под начало шейха, назывался муридом.

Муриды, жившие в ханаке, именовались факиром (араб, нищий) или дервишем. Обычно в городах ханака строилась на окраинах, а шейхи были почитаемыми и уважаемыми горожанами. Именно такой ислам в эпоху Караханидов характеризуют источники средневековья в городах Средней Азии и Жетысу. Здесь были сильны доисламские традиции, как иранские, так и тюркские. И.В. Можейко (1989, с. 524) пишет: «Ислам смог сохранить внешнюю обрядовую сторону во многих странах, где он укрепился с помощью конных армий арабских завоевателей. Но за безусловным признанием Корана и учения Пророка скрывались доисламские верования и обычаи тех народов, что попали в сферу мусульманской идеологии».

В истории города Туркестана, например, где сформировался центр суфиев Средней Азии и Казахстана (вокруг священных останков основателя ордена Ахмеда Ясави), суфии играли огромную роль в деле распространения ислама. Около мавзолея на гуристане образовалось селение суфиев, называвших себя потомками Ходжи Ахмеда. Затем вокруг мавзолея сложился целый ансамбль различных культовых сооружений. Однако представители суфизма имели здесь больше последователей среди кочевников, чем среди оседлого населения (Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П., 1996, с. 66–75).

Одним из важнейшим градообразующих элементов мусульманских городов Востока и Запада являются минареты, встроенные в здания с мечетью или стоящие рядом с ними. Именно минареты своими стройными башнями возвышаются над всей остальной застройкой и определяют неповторимый силуэт города. Первый минарет был построен при халифе Муавии в 675 г. в Ираке. О нем известно лишь то, что это была каменная башня в мечети Басре (Hillenbrand R., 1994, р. 129). Вскоре после этого в 673 г. правитель Египта Амр построил в мечети Фустата четыре минарета, и с тех пор их стали возводить и в других мечетях Египта и странах Востока.

Исследователи рассматривают также этимологию слов, применяющихся для обозначения этих видов построек. Слово «минарет» происходит от арабского *минар*, или *манара*. Корень этого слова – *нар*, по-арабски обозначает *свет* или *огонь* (Hillenbrand R., 1994, р. 132). Слово *манара* использовалось в доисламской Аравии для обозначения высоких мест, откуда подавались сигналы с помощью огня и дыма. Поэтому их часто приравнивают к «башням огня», которые использовались в военных целях в Византии, Северной Африке и Сирии как в доисламское время, так и позднее. Одной из таких башен был Фаросский маяк, считавшийся одним из семи чудес и разрушенный арабами в 642 г.

На городище Бурана (Шуйская долина) мечеть не сохранилась, но на ее существование в средневековье указывает минарет, вход в который устроен более чем в 5 м над землей, а также сообщение конца XIX в. о руинах «довольно большого здания, заваленного массой кирпичных обломков», расположенных в 20 м к югу от минарета (Винник Д.Ф., 1974, с. 55).

Расширение культурного пространства, которое инициировалось исламом, способствовало темпам распространения новой религии в регионе. В.В. Бартольд (1971, с. 68) писал: «Главное преимущество ислама заключалось, конечно, в культурном первенстве мусульманского мира, одинаково в области материальной и духовной культуры, среди образованных народов того времени».

Положительное влияние ислама ощущалось не только в духовной сфере. Приход ислама сыграл позитивную роль и в развитии материальной культуры. Во всех городах Караханидского государства выпускались монеты традиционного «куфического» вида, давно устоявшегося в мусульманском мире. Арабское письмо как «священный символ ислама» оставалось господствующим и в караханидском чекане, но на некоторых монетах конца X – начала XI в. помещались короткие (в одно–три слова) надписи уйгурским письмом. В караханидском чекане почти все зооморфные сюжеты помещены на фелсах – караханиды шли на разрушение установок ислама при выпуске монет, рассчитанных на внутреннее употребление.

С X в. арабская письменность все активнее стала проникать в культуру и быт населения Жетысу. Тексты из Корана и мусульманские сентенции стали украшать монументальные постройки; на арабском языке велось богослужение в мечетях и обучение в медресе; арабским письмом исполнялись эпитафии на каменных и кирпичных надмогильниках мусульман; согдийскую легенду на монетах сменила арабская. Эпиграфический орнамент стал украшать посуду и интерьер жилища.

Ислам сыграл положительную роль в приобщении населения древнетюркских государств к духовным ценностям мировой цивилизации, благодаря арабскому языку они смогли познакомиться с литературой, философией, историей других народов. Арабская культура к этому времени стала центром мировой культуры, она явилась той средой, благодаря которой сохранились достижения древних цивилизаций и на основе которой позднее возникли культура Возрождения, Ренессанса и новоевропейский стиль мышления.

Б.Г. Гафуров (1972, с. 322–324) отмечал, что «мусульманская культура – результат синтеза творческих достижений многих народов, в том числе и среднеазиатских... Итак, с точки зрения исторической перспективы, включение Средней Азии в Халифат способствовало, в конечном счете, широкому развитию контактов между различными народами, на основе которых и произошел всеобъемлющий культурный синтез в Средней Азии и на всем Ближнем Востоке в IX–X вв.».

Исследователи средневековой культуры отмечают, что для среднеазиатских народов ислам не исчерпывал их духовно-религиозных представлений. Яркое проявление доисламских культов прослеживается по археологическим материалам из средневековых городов Южного Казахстана и Жетысу.

Со второй половины X в. начался новый этап в истории средневекового Казахстана – города становятся центрами исламской науки, просвещения и культуры и здесь складывается элитарная культура.

Тюрки-мусульмане, оседлые горожане и кочевое население смогли понять друг друга и в конечном итоге создать самобытную культуру, которая вписалась в многообразие древних культур человечества.

Центральная Азия с древнейших времен до наших дней являлась и является ареной мирного пересечения нескольких мировых религий. Каждая из них имела свою прочную базу, организацию и свои культовые сооружения, которые в определенном промежутке времени мирно сосуществовали. Путем диалога и созидательного сотрудничества они взаимообогащались и внесли достойный вклад в развитие духовной культуры в раннесредневековой цивилизации. По существу народы Центральной Азии были толерантны к вере и позитивно воспринимали созидательные стороны каждой религии (Нуржанов А.А., 2011, с. 187).

Таким образом, изучение непреходящего опыта великих предков, поиск духовных оснований актуализируют процесс исторического самосознания и создают предпосылки для ответственного отношения к своему духовному бытию и своей культуре, которые есть гарант сохранения и дальнейшего развития общества.

A.A. Nurrzhanov, S.E. Muratova

RELIGIOUS TOLERANCE AS A SYSTEM OF THE RELATIONS OF ALL WORLDS RELIGIONS ON THE TERRITORY OF MIDDLE AGED KAZAKHSTAN

For many centuries the territory of Kazakhstan was the place of interaction for many world's religions as: Buddhism, Christians, Islam. Their interaction in one geographic area gave a special features to the cultures development of the Kazakhstan and people who lined here. It is a very important historical feature and it was a result of central location of this region in geopolitical area - continental Eurasia and ancient traditions of nomadism in life of its population. Every of these religions had its own base, organization and cult places, building of temples. Interesting, that religions on this territory existed in peace. The secret is - the dialogue and constructive relations: because of it, they contributed a great benefit to the spiritual culture in middle aged civilization.

Key words: *Culture, Middle Ages, Buddhism, Islam, Christianity, religion, era Nomadism, civilization, ethnography, migration.*

Библиографический список

Байпаков К.М. Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы; Самарканд, 2012.

Байпаков К.М. Христианство Казахстана в средние века // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. 818 с.

- Бартольд В.В. Баласагун // Сочинения. М., 1965. Т. III. 789 с.
- Бартольд В.В. Сочинения. М., 1964. Т. 2, ч. 2. 806 с.
- Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. М., 1966. Т. 5. 806 с.
- Бартольд В.В. Сочинения. М., 1971. Т. 7.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 187–190.
- Богомолов Г.И. О христианстве в Чаче // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.
- Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. 1980. Вып. XXII. С. 132–136.
- Борисов А.Я. Сирийская надпись на сосуде из Тараза // Известия Академии наук КазССР. Сер.: Археология. 1948. Вып. 1(46).
- Винник Д.Ф. Башня Бурана // Памятники Киргизстана. Фрунзе, 1974.
- Волин С.Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. долине р. Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Т. 18. 267 с.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье / под ред. Б.А. Литвинского. М., 1992. Т. 2. 687с.
- Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. 409 с.
- Горячева В.П., Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.
- Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971. 159 с.
- Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1852. Ч. 4.
- Зильпер Д.Г. Ташкент в древности и в средние века // Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
- Кляшторный С.Г. Древнетюркская религия: проблемы реконструкции и генезиса // Информ. бюллетень. МАИКЦА. 1987. Спец. вып.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. X.
- Кожа М. Походы арабов в районы Ферганы, Чача и Средней Сырдарьи в VIII в. // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2009. Вып.4.
- Кызласов Р.Л. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды КАЭЭ. 1959. Т. 2.
- Литвинский Б.А. Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия) // Вестник древней истории. 1996. №2.
- Литвинский Б.А. Монастырская жизнь восточно-туркестанской санкхи. Буддийские церемонии // Буддизм: История и культура. М., 1989.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. 1. 489 с.
- Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1996. 591 с.
- Можейко И.В. 1185 год (Восток – Запад). М., 1989. 668 с.
- Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.

Нуржанов А.А. О христианском наследии в культуре Средней Азии и Казахстана // Религия в истории народов России и Центральной Азии: мат. Всерос. с междунар. участием конф., посвящ. 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ. Барнаул, 2011.

Орынбеков М.С. Генезис религиозности в Казахстане. Алматы, 2005. 201 с. После Марко Поло. М., 1986. 429 с.

Путешествие в Восточные страны Платона Карпини и Гильом де Рубрика. Алма-Ата, 1993. 423 с.

Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. 1957. Вып. 69.

Свеницкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987. 311 с.

Смагулов Е. Арабское нашествие на Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованной археологией. Астана, 2004. 271 с.

Смагулов Е.А. Городище Культобе // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. 178 с.

Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Из домонгольской истории г. Туркестана // Известия МН – АН РК. 1996. №2.

Ставиский Б.Я. Буддизм в Средней Азии // Буддизм: словарь. М., 1992. 219 с.

Ставиский Б.Я. Некоторые вопросы буддизма в Средней Азии (из итогов раскопок Кара-тепе – буддийского пещерного монастыря в Старом Термезе) // Доклады по этнографии / Географическое общество СССР. Отделение этнографии. М., 1965. Вып. 1(4).

Hillenbrand R. Islamic Architectur. New York, 1994. (на англ. яз.).

Н.И. Рыбаков

Петровская академия наук и искусств, Красноярск

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

О РЕЛИГИИ КЫРГЫЗОВ ЕНИСЕЯ: VIII–X вв.

Рассматриваются две версии первого прихода миссионеров на Енисей во второй половине VIII в. Памятники, о которых идет речь, открыты финской экспедицией в 1887 г. *Версия 1.* Тибето-енисейские торговые и дипломатические контакты этого периода. Предполагаемые пути продвижения миссионеров со стороны Тибета через территорию карлуков. *Версия 2.* Приход проповедников из государства древних уйгуров в последнюю четверть VIII в.

Ключевые слова: *средневековье, ранний ламаизм, Падмасамбхава, Маудгальяна.*

По мере изучения памятников иконографии на территории северных районов современной Хакасии, разбросанных в междуречье двух одноименных рек Июсов, имеющих отношение к пришлым эле-